

Городок-невидимка, или Детство на Кадетской*

В. М. Шадрова

Наш ныне не существующий жилой дом номер 3-а на Съездовской (Кадетской) линии находился за основным зданием кадетского корпуса, которое протянулось от Университетской набережной до Большого проспекта и имеет номер 1/3. Этот дом и большой зеленый двор перед ним были первыми территориями, с которыми жившие в городке дети знакомились и осваивались. Естественно, с каждым годом к ним прибавлялись новые. Неподалеку от дома находилось двухэтажное кирпичное здание, которое почему-то называлась «штаб», хотя в нем размещалась санчасть. Напротив входа в здание некогда была устроена большая чаша фонтана с низким бортиком и росли дубы, с которых осенью на землю сыпалось несметное количество желудей.

На противоположной южной стороне вдоль здания штаба также росли деревья и кусты. Однажды я увидела там подходящую ямку, положила в нее желудь и посыпала сверху землей. Какова же была моя радость, когда через некоторое время сквозь землю пробился росток с двумя крошечными, но настоящими дубовыми листочками.

Одним торцом здание штабсанчасти соединялось с корпусом, выходящим на Кадетскую линию, а противоположный торец, широкий и без окон, был очень удобен для игры в мяч об стенку. Летом мы каждый день, если только не было дождя, играли в прятки, простую лапту, круговую лапту, в штандер, а дети поменьше в «али-бабу», «ручеек» и «баба сеяла горох». Играли ли мальчишки – и где – в футбол, не помню, хотя на территории городка и поныне существует большой плац, на котором в 1897 году (по другим

источникам – в 1898-м) состоялось воистину историческое событие – был проведен первый в России футбольный матч. Команда, состоявшая преимущественно из англичан, живших в Петербурге, играла против команды русских, недавно освоивших эту новую игру.

В зимнее время на плацу в училище заливался каток. На нем никогда не было много катавшихся, просто потому, что далеко не у всех были в ту пору коньки. У меня, например, первые коньки были, как я сейчас понимаю, почти антикварные. Теперь такие можно увидеть лишь в Государственном музее истории города в Петропавловской крепости и в музее Анны Ахматовой на Фонтанке, они висят там на гвоздике в коридоре. Эти коньки представляли собой совершенно прямые толстые стальные пластины с заостренным концом, прикрепленные к ним горизонтально опорные пластины для ноги были потоньше и с отверстиями.

Может быть, к таким конькам и полагалась какая-то специальная обувь, но у меня ее не было. Поэтому нога в валенке ставилась на такой конек и прикручивалась веревочкой, продетой несколько раз сквозь отверстия в горизонтальной пластине. Прикрутка осуществлялась посредством толстой палочки и в теории должна была плотно фиксировать этот мудреный альянс валенка с коньком. На практике же при катании все быстро разбалтывалось, и приходилось несколько раз заново закреплять конек на валенке. Средние века!

Были и более девчоночьи коньки, называвшиеся «снегурки». У них носок был не заострен, а загнут этаким фигурной завитушкой. Такие

коньки, по-видимому, были предтечами фигурных коньков. В пятом классе на Новый год мне подарили настоящие коньки с приделанными к ним черными кожаными ботинками. Они назывались хоккейными, но на них катались все – и мальчишки, и девочки, главное, не надо было больше ничего прикручивать, просто ставишь ногу в ботинок, зашнуровываешь его – и вперед, катайся, сколько хочешь. Каток на плацу казался уже маленьким и не таким интересным, поэтому класса с шестого мы, перевязав коньки специальным ремешком, стали ездить кататься в ЦПКиО им. Кирова, где всегда было много народа, вечером горели яркие фонари, играла музыка и было очень весело. Наиболее продвинутые конькобежцы, сильно наклонившись вперед и заложив одну руку за спину, нарезали круги на особых коньках с длинным лезвием, которые назывались беговые, или «бегаши».

Лето многие дети проводили либо на дetsадовской даче, либо одну, а то и две смены в пионерском лагере. Мой первый летний лагерь находился на территории военной части в Осиновой Роще. Мы жили там в больших двухэтажных зданиях из кирпича, которые ничем не отличались от городских, зелени на территории почти не было. На следующее лето был другой лагерь – в той же Осиновой Роще, но в бывшей усадьбе князей Вяземских. Главный и единственный деревянный корпус в стиле русского классицизма стоял на берегу небольшого круглого пруда и со всех сторон был окружен лесом. Насколько помню, там не было площадки для проведения линеек и подъема-опускания флага, но жить там было гораздо интереснее, – устраивались игры в разведчиков, индейцев, а по вечерам возле пруда мы, под руководством вожатых, конечно, разжигали костер, пели

* Окончание. Начало в № 5 (57), 2010.

В заглавии статьи в № 5 (57), 2010 «Истории Петербурга» была сделана ошибка. Правильное название статьи: «Городок-невидимка, или Детство на Кадетской». – *Ред.*

песни или рассказывали страшные истории.

Но вернемся в городок. В главном здании училища, занимавшем целый квартал по Съездовской, на втором этаже жили курсанты, а на высоком первом находились учебные классы и служебные помещения. Детям там нечего было делать, но один раз по какому-то поводу я там все же оказалась. Дело было к вечеру, коридор был бесконечный, совершенно пустой и сумрачный, слева поблескивали стеклами широкие окна во внутренний двор, а справа, через равные интервалы, стояли какие-то темные фигуры, которые я поначалу приняла за часовых. Они были в шапках, напоминавших буденновку, неподвижные и без лиц. На самом деле таинственные часовые оказались старинными вертикальными, ростом с человека, ребристыми радиаторами отопления с закруглением и шишечкой наверху.

Под высоким первым этажом этого здания проходит такой же длинный коридор с окнами на уровне тротуара. Его называли «дунькиным», в нем находились разные подсобные службы, в том числе и сапожная мастерская. В полном смысле сапожная, потому что именно сапоги чаще всего поступали туда для ремонта, и в полном смысле мастерская, поскольку там работал настоящий мастер своего дела, умевший не только чинить сапоги. Но об этом я еще скажу.

Если от нашего дома идти по аллее мимо плаца, оставив справа невысокий старинный учебный корпус, замыкающий собой внутренний двор, а слева – спортивную площадку с турниками, шведскими стенками и металлическими конструкциями с канатами, мы подойдем к зданию, выходящему окнами на Неву, с двухцветным актовым залом, большим аванзалом и множеством помещений разного размера и назначения. На первом этаже этого здания была столовая для офицеров и курсантов, на второй вела лестница с такими широкими и гладкими каменными, кажется, перилами, что по ним легко, как мы быстро выяснили, лежа на животе можно было съезжать со второго этажа вниз. В здание можно было попасть и с другого входа, по парадной лестнице со стороны Съездовской линии, но

его открывали только по особым случаям.

В актовом зале этого здания, примыкающего к Меншиковскому дворцу, и состоялся в 1917 году I Всероссийский съезд Советов, на котором в ответ на малодушное заявление меньшевика И. Г. Церетели о том, что в России в тот момент не было партии, готовой взять власть в свои руки, В. И. Ленин с места возразил «Есть такая партия! Это партия большевиков». В честь того исторического события Кадетская линия после революции была переименована в Съездовскую.

Это здание называлось у нас клубом, в нем часто проходили мероприятия разного масштаба – кино, концерты, танцы, работали кружки кройки, шитья и вязания, проводились уроки музыки для детей. В феврале 1945 года дважды Краснознаменное военно-политическое училище имени Фридриха Энгельса праздновало свой 25-летний юбилей. В клубе по этому поводу состоялось торжественное заседание, за которым последовал концерт, а на плацу прошел парад.

Пригласительный билет
на юбилей училища

Вскоре после войны в честь какого-то большого праздника в клубе решили устроить банкет, на который офицеры приглашались вместе с женами. Женщинам пришлось думать о том, в чем пойти. У мамы были только самые обычные туфли для улицы, поэтому было принято решение приобрести что-то понаряднее и заказать обувь у того мастера, который работал в мастерской училища. Принесенные домой туфли произвели настоящий фурор среди домашних и соседей. Изящного силуэта, из черной лакированной кожи, со съёмным бантом, тоже черного лака, но с узенькой белой окантовкой, они были невероятно красивы и торжественны и вполне соответствовали праздничному сло-

ву «банкет». Для проверки качества лака все дышали на его сверкающую поверхность и удивлялись, как быстро след от дыхания испарялся – верный признак того, что кожа и лак были самой высшей пробы.

По какому-то другому поводу маме был шит жакет, тоже в мастерской училища, швейной. Материалом для него послужил отрез ткани, из которой военным шили кители. Нашей семье было не привыкать носить такое – когда брат был дошкольником, ему из старой отцовской гимнастерки сшили рубашку на пуговицах, с погончиками и накладными кармашками. Не умея еще правильно произнести слово, он называл ее «германстерка». Пуговицы на мамином жакете были не обычные пластмассовые, а металлические, выпуклые, благородно обтянутые той же тканью. Под ней пальцами можно было прощупать звездочку – ведь пуговицы были тоже военными. Этот жакет не совсем обычного происхождения живет теперь в одном из крупнейших музеев Санкт-Петербурга.

Моя мама, еще в юности научившаяся шить и вязать крючком, решила повысить свою квалификацию и записалась на занятия вязания на спицах. Иногда она брала с собой меня. Занятия проходили в одном из помещений клуба, где сохранились от старых времен большие напольные китайские вазы, в рост взрослого человека, на которых были замечательные многоцветные рисунки, во всех подробностях изображавшие китайские деревенские сценки, природу, неведомых птиц. Пока рассмотришь со всех сторон одну такую вазу – незаметно пробежит час занятия.

Шерстяных ниток для вязания в магазинах того времени не было, поэтому женщины покупали на рынке мотки деревенской некрашеной шерсти и дома сами красили ее в разные цвета, благо разные краски-порошки в магазинах продавались. За год учебы было связано множество «образцов» и полезных предметов – от носков и варежек до больших ажурных платков, свитеров-джерперов и даже платьев. Готовую шаль-«паутинку» с широкой ажурной каймой, из некрашеной шерсти, стирали в мыльном растворе, после чего она приобретала цвет слоновой кости,

Мамин жакет в экспозиции музея

и во влажном состоянии натягивали на специально сделанную раму с гвоздиками. В таком виде она и сохла – не «сажаясь» и сохраняя правильную форму квадрата.

Сразу же после войны в магазинах вообще много чего не было, но с каждым годом ситуация понемногу улучшалась.

В письме своей сестре в конце декабря 1947 года мама упоминала «эпидемию массового психоза», возникшую в начале месяца в городе в связи со слухами о грядущей денежной реформе и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары: «Мы не нервничали, а только наблюдали, как беснуется отдельные граждане-“кубышечники”, не зная, что с деньгами делать. В магазинах они расхватывали все, даже ночные горшки, в аптеках – пустышки, слабительное и всякие мази <...>. Вот у кого из тружеников пропали небольшие сбережения – их жалко, конечно. Интересно, как у вас это все протекало? Потом горячка первых дней прошла, сейчас очередей нет, – так, обыкновенные очереди большого города, за протоварами очереди тоже уменьшились. Люди в первые дни сами себе не верили, что это не во сне, и старались полакомиться всем».

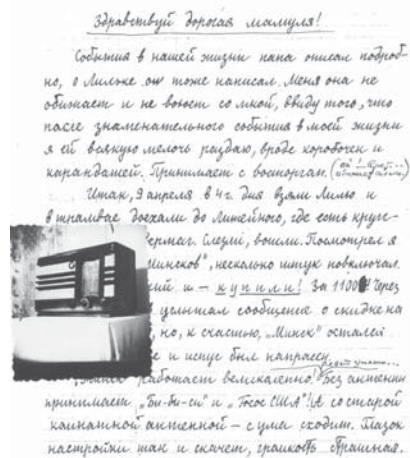
Через три месяца, в апреле 1948 года, и в нашей семье появилась первая крупная покупка. Это событие красочно описывает в письме маме мой брат, которому в ту пору было четырнадцать лет: «Здравствуй, дорогая мамуля! События в нашей жизни папа описал подробно <...>. Итак, 9 апреля в 4 ч. дня взяли Лилю

«Три лицевых, накид, одна изнаночная»

и в трамвае доехали до Литейного, где есть крупный радиоунивермаг (от Съездовской до Литейного проспекта можно было без пересадок доехать на трамвае, который шел по Университетской набережной через Дворцовый мост и далее по Невскому). Слезли, вошли. Посмотрел я лучший из “Минсков”, несколько штук повключал. Выбрал хороший и – к у п л и! За 1100! Через несколько часов услышал сообщение о скидке на культтовары, но, к счастью, “Минск” остался в той же цене и испуг был напрасен.

“Минск” работает великолепно! Без антенны принимает “Би-би-си” и “Голос США”! А со старой комнатной антенной – с ума сходит. Глазок настройки так и скачет, громкость страшная. Я все-таки не думал, что он будет так хорошо работать! На коротких волнах ве-

Таков был наш зеленоглазый красавец «Минск»

чером принимает 400–500 станций! На средних – станций 75! На длинных – станций 20! В итоге – около 600 станций! В любое время дня и ночи можно принять какую угодно передачу! Приемник мой лучше всякой “Невы”. Ура, ура!

Фотографий новых не сделал, все станции ловлю. Получил 7 пятерок за неделю. Фотографии пришлю в следующем письме.

Поскорее приезжай.
Е. Шадров-Минский»

Ликующие строки этого письма свидетельствуют о том, что радость от приобретения приемника хорошего класса в 1948 году сравнима с той, что испытывает подросток XXI века, когда ему наконец-то купили компьютер. Ведь по сути и радио, и компьютер – это широко распахнутые окна в мир, дающие

Брат возле чужого радиоприемника – на наш вышитые салфеточки строго не допускались!

возможность выбора. Для них не существует государственных границ, и человек, не выходя из дома, общается ко всему разноголосому потоку информации. Я по малолетству не могла, конечно, оценить действительно прекрасные технические характеристики появившегося в нашем доме радиоприемника, но мне очень нравился его внешний вид: обтекаемый корпус благородной формы, из дерева, покрытого лаком, как скрипка, и особенно изумрудно-зеленый глазок настройки, зажавшийся при включении. Вместе с приемником в нашу жизнь вошел совершенно новый музыкальный жанр – американский джаз.

Учеба в первом классе совпала у меня с началом обучения игре на фортепиано. Мама, переживавшая, что моему брату, имевшему абсолютный музыкальный слух, война и эвакуация с частыми переездами из одного города в другой помешали заниматься музыкой, хотела дать такую возможность мне.

Уроки музыки, на которые я стала ходить по понедельникам и четвергам, вела замечательная учительница – Тамара Павловна Сербина. Занятия проходили в клубе, в специальном классе, где стоял рояль. Тамара Павловна была всегда приветлива и очень терпелива, учила правильно ставить и снимать руку, распускать запястье и отличать *allegro non troppo* от *andante sostenuto*. Учиться было интересно, и уже скоро, через две-три страницы после русской народной песни «Ходит ветер у ворот» («стаккато играть короче, шестнадцатые – легче») и «Зайньки» А. Гедике, начались коротенькие ригодоны, менуэты, буррэ Л. Моцарта и гавоты Жана-Батиста Люлли («гавот – играть веселее, это танец, а не колыбельная песня»). Когда я выросла до произведения Людвиг ван Бетховена «Сурок», она рассказала мне целую историю о том, как давным-давно в Германии и Швейцарии были бедняки, которые ходили по городам с шарманкой и дрессированным маленьким сурком и зарабатывали себе на хлеб. Чтобы я до конца почувствовала дух этой песенки, она иногда напевала мне эту трогательную историю то по-русски, то по-французски. И не зря, ведь и почувствовала, и запомнилось – *avec la marmotte*.

Так как дома инструмента у нас не было, готовить домашние задания я тоже ходила в клуб. Это было, как правило, во второй половине дня, ближе к вечеру. Чтобы дойти до класса, надо было подняться на один этаж, пройти аванзал, затем коридор, затем подняться по лестнице, ведущей на следующий этаж. В углах прятался полумрак, мои шаги гулко звучали в огромном и безлюдном старинном здании, и им гулко отзывалось сердце. На лестнице висела красивая люстра елизаветинской эпохи на длинном шнуре. Дойдя, наконец, до класса и ощущая за спиной всю пустынность и безлюдность окружающих меня помещений, я включала свет, усаживалась за рояль, стоявший в середине комнаты, открывала его крышку и начинала разучивать заданное на дом.

Стены музыкальной комнаты украшали две картины в потемневших золоченых рамах. Одна была в духе мрачного романтизма и изображала фантастический морской сюжет. На второй, исполненной в реалистической традиции, у мраморной балюстрады стояла девочка из XIX века. Она словно задержалась на мгновение и, положив руку на перила, внимательно смотрела на зрителя. Ей было столько же лет, сколько и мне в то время, у нее были красивые волнистые каштановые волосы, схваченные сзади бантом, и немного грустные глаза. Время года, видимо, осень, потому что девочка была в узком сером дорожном пальто с воротником и манжетами из черного бархата. Эта девочка-ровесница на картине была тоже одна, но при ней разучивать «Смелого наездника» Р. Шумана было все-таки не так одиноко.

После занятий музыкой я иногда шла на каток – посмотреть, кто там и как катается – и поскользиться самой, хоть и без коньков, по гладкому льду. Темно-синюю папку с толстой «Школой игры на фортепиано» я опускала в снег. Своим ребром она резала сугроб и легко уходила в его рыхлую глубину, да так, что даже ручки из витого шелкового шнура не были видны. Сверху оставалась только тонкая щель непонятного для постороннего глаза происхождения. Дома удивлялись, почему у папки мокрые ручки и с боковых тесемок стекают капли.

Пианино было куплено мамой, когда я перешла в шестой класс. Только много позже, став окончательно взрослой, я поняла, каких трудов ей стоило накопить денег, которых и так всегда было в обрез, на такую дорогую вещь.

Тамара Павловна к тому времени уже почему-то перестала работать у нас, и поэтому я стала ездить на частные уроки на Мойку, к Риве Аркадьевне, которая была «в положении» и, конечно, больше занималась подготовкой к предстоящему событию, чем уроками. Потом она передала своих учеников приятельнице, и ездить пришлось еще дальше – на Марата. Большого впечатления ни те, ни другие занятия не оставили.

По субботам в клубе устраивались танцы для курсантов. Чтобы «с улицы» не приходили толпы каких попало девушек, каждому курсанту выдавался номерок-жетончик с тем, чтобы он мог встретить приглашенную им лично девушку у входа со стороны Съездовской, проводить ее до гардероба, помочь раздеться.

Нам, детям, никто не запрещал смотреть, как танцуют взрослые, и слушать живую музыку, ведь в зале всегда играл свой оркестр. Смотрели мы из коридора, шедшего вдоль аванзала. По обе стороны коридора были высокие окна, одни выходили во внутренний двор, другие – в танцевальный зал. Под окнами, выходящими в зал, стояли широкие каменные сиденья, с которых очень удобно было, хотя и сидя боком, смотреть на танцующих, которых это совершенно не смущало. Девушки приходили в нарядных платьях, переобувались в туфельки на каблуках и с воодушевлением отдавались танцам, в те годы очень невинным – то были вальсы, польки, краковяк, а также па-де-патинер, что по-русски значит танец конькобежцев, о чем громко объявлял распорядитель. Особенностью этого танца был скользящий шаг. Именно там мы узнали, что бывает и «белый танец», когда дамы приглашают кавалеров.

Музыка сопровождала ежедневную жизнь городка. Когда курсанты строем шли на стадион или в столовую, они пели «Стоим на страже всегда, всегда!» или «Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая ра-а-а-дость побед...», а по выходным дням в теплое время

года – ранней осенью или поздней весной – они выходили на Съездовскую и, чеканя шаг, проходили ее всю, с песней, затем у Тучкова моста разворачивались и шли назад. Жильцы домов по Первой и Съездовской линии, заслышав звонкую песню, исполнявшуюся хором крепких молодых мужских голосов, открывали окна, выходили на балконы и любовались красивым зрелищем, махали курсантам рукой, иногда даже аплодировали. С особым воодушевлением всегда исполнялся «Марш энтузиастов» – «Нам нет преград ни в море, ни на суше...». Оптимизм великой Победы еще не угас, не выветрился.

Как я уже писала, мой отец был кадровым офицером и в этом училище преподавал военную топографию и тактику. Поскольку ему приходилось много заниматься составлением карт местностей и населенных пунктов, в его командирской сумке-планшете в специальных тесных кожаных карманчиках всегда находились идеально отточенные карандаши с графитовыми и цветными грифелями.

Хотя понятия мягкости и твердости карандашей усвоены были мной с раннего детства, я так никогда и не научилась заглаживать их так же красиво, как это умели делать мой отец и брат. Там же, в планшете, находилась и специальная прозрачная командирская линейка, предмет моих воцелений, так как с ее помощью очень легко можно

Курсанты на торжественном майском прохождении в училище

было чертить ровные волнистые и зубчатые линии, а также кружочки, овалы и ромбы разных размеров.

Отец знал и любил свое дело, о чем свидетельствуют письма военного времени от его курсантов, сохранившиеся в семейном архиве:

10.VI-42 Здравствуйте, т. капитан Шадров!

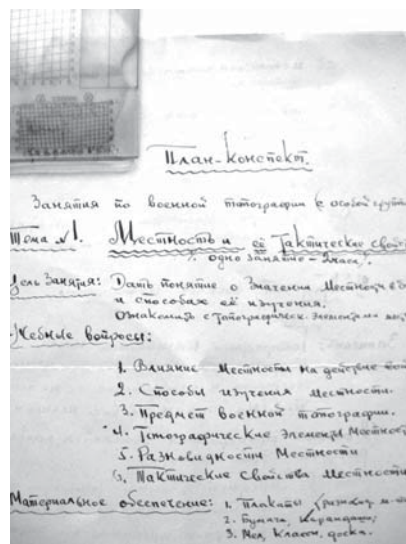
В связи с тем, что время идет, а подытожишь небольшой промежуток драгоценного времени и задаешь себе вопрос «Что ты сделал полезного для усовершенствования военных знаний, ранее полученных в учебе?». Сейчас я могу с полной ясностью заявить вам, что, занимаясь на К.П.П.С. в Мензелинске, я по-

лучил знания по всем дисциплинам и особенно по топографии. Мне приходилось дважды быть на К.У.П.С., где я слушал курс топографии, не считая мензелинских курсов, и я делаю вывод, хотя он был мною сделан еще в период пребывания на курсах в Мензелинске. Я немного скажу – от вас я получил действительные знания по топографии. Я часто вспоминаю, с какой любовью вы преподносили нам урок топографии. Так может делать только тот преподаватель, который любит свой предмет. Мы вас ежедневно вспоминаем как самый лучший пример в учебе.

Сейчас у нас здесь также есть топография как дисциплина, но то, что я здесь получаю, по существу, не дает и половины ранее полученной

Отец готовится к занятиям

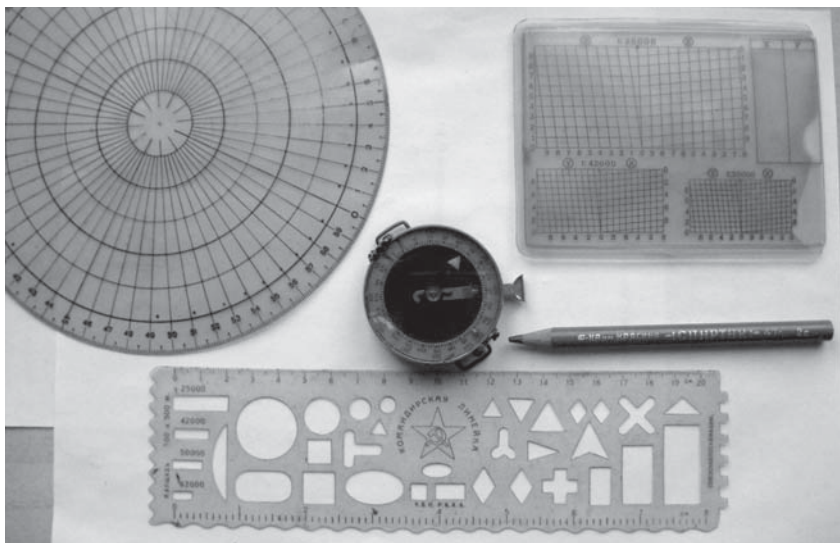

План вводной лекции

Командирская сумка

Картографические линейки и полевой командирский компас РККА системы Андрианова

подготовки. Только имея хорошую подготовку, полученную в Мензелинске, мне сейчас очень легко решать задачи по тактике и прочее.

Товарищ Шадров, передайте вашим новым слушателям, чтобы они уделяли большое внимание военной топографии, очень необходима она военному человеку.

Я лично благодарю вас за то, что вы умело сумели вложить в мое сознание знание так необходимой топографии. Я всегда буду вас помнить как один из лучших фактов в моей жизни.

До свидания, тов. Шадров. Мы, группа бывших слушателей 2-го взвода 8-й роты т. т. Задирано, Новицкий, Тюпиков, Махров, Сосновский, Новиков и др. благодарим вас за то, что вы отдали нам немало своего внимания для передачи нам своих знаний, сейчас так необходимых.

С коммунистическим приветом бывший слушатель II взвода 8-й роты Новицкий. Сейчас слушатель курсов подготовки комиссаров батальонов и скоро буду в действующей Красной Армии.

И еще одно письмо, от курсанта, который, как он сам писал, первый раз встретился с отцом во время службы на Дальнем Востоке (ДВК) в середине 30-х годов:

12.III.45 Здравствуйтесь, дорогой тов. майор Шадров.

Пишет вам бывший курсант 11-й роты II-го взвода Бартош Михаил Николаевич. Хочу поделиться с вами жизнью и каковы результаты вашей работы после выпуска.

Вот уже месяц, как я приступил к работе и пришлось столкнуться с вашей работой и даже преподавать офицерскому составу ваш предмет. Хотя я и работаю политработником, но вы нам дали столько, что приходится быть по отношению к ним даже преподавателем. Это, возможно, вам покажется странным, но это именно так.

Вы, вероятно, меня забыли, но я вам хочу напомнить. Это тот Бартош, который служил на ДВК и мы с вами как-то раз беседовали. Я был в военно-морском флоте и был в бухте Тетюха, это к северу, а вы там где-то работали. В общем, перед самым экзаменом 30.VIII.44 я вам сдавал экзамен, когда приехал с возки дров из Финляндии, помните, и ваша работа не прошла даром. Несмотря на то, что я нахожусь на партполитработе, а все же приходится и этим заниматься, и вот вспомнил вас, просмотрел все конспекты, а они здесь нужны как воздух.

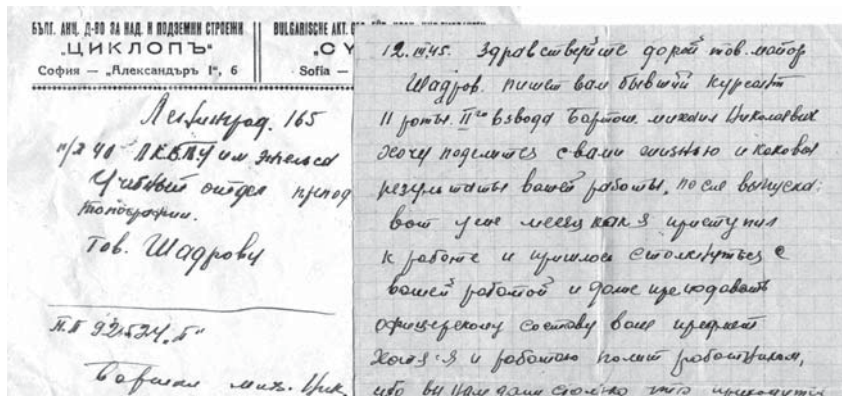
Нахожусь недалеко от столицы Венгрии. В общем, я очень доволен вашим преподаванием и получил достаточно, чтобы разбираться во всех наших картах, и это очень оказалось важно.

Вот все, что я хотел вам написать. Пусть те, кто будет у вас кончать курс, берегут конспекты, они очень нужны.

С коммунистическим приветом к вам Бартош М. Н.

Если будет у вас время, будьте добры, напишите, тов. майор, ответ. Мой адрес – полевая почта 92524 «П».

Здесь уместно привести цитату из служебной характеристики, данной отцу еще в декабре 1933 года, перед переводом его из 64-й стрелковой дивизии БВО на новое место службы – у Тихого океана, во 2-ю ОКДВА (Отдельную Краснознаменную Дальневосточную армию). После стандартного набора

Письмо с фронта

одно-, двусложных фраз о дисциплинированности и идеологической устойчивости следует такая оценка: «Пользуется авторитетом среди красноармейцев и начсостава, особенно проявляет заботливость к своим подчиненным».

В то время помкомроты было 28 лет.

Ежегодно, с начала мая и до самой осени курсанты и преподаватели училища им. Ф. Энгельса выезжали в Красное Село. Почти трехсотлетняя история Красного Села очень тесно связана с историей русской армии, в летние месяцы в нем всегда стояли военные лагеря и проводились различные учения, маневры, сборы, обязательно включавшие полевые занятия по тактике и топографии (см. журнал «История Петербурга» №2/2004, посвященный 290-летию Красного Села). Старинная юнкерская песня про летние «съемки примерные, съемки глазомерные» упоминается в мемуарах В. С. Трубецкого, Т. А. Аксаковой-Сиверс, в «Днях Турбиных» М. С. Булгакова. Любопытно, что и в Аттестационном списке прапорщика Н. С. Гумилева, державшего в 1916 году шестнадцать экзаменов на звание корнета, в перечне сданных военных дисциплин значатся «тактика и тактические занятия в поле», а также «топография» и «топографическая съемка», которые оказались для него особенно трудными¹.

В завершение разговора о топографии также уместно будет вспомнить о старинном доме номер 12, что стоит на Первой линии Васильевского острова как раз напротив главного здания училища. В свое время он принадлежал одному из основателей Российской военно-топографической службы, крупному ученому и военному деятелю Ф. Ф. Шуберту (1789–1865), который и проживал там со своим семейством. В этом доме у него не раз гостили внучки – Софья Ковалевская, математик, и Анна Жаклар, деятельница Парижской Коммуны².

После трагической гибели отца в военном лагере в Красном Селе 19 мая 1951 года мама долго болела. С этого времени я стала отчетливо ощущать незримую границу, отделившую меня от всех остальных

На летних сборах в Красном Селе (отец третий слева во втором ряду)

детей нашего городка. У них – у всех до единого! – были отцы. У нас его не стало. Эту тему напрямую не трогали, но до сих пор помню, как однажды, сидя на бортике фонтана перед штабом, мы с девочками обсуждали что-то пустяковое, из серии «я бы ни за что в жизни не взяла в руки дохлую крысу», «а я ни за что бы не стала есть лягушку», и тому подобную чепуху. И тут Неля Вачинская сказала мне: «А я знаю, за ЧТО бы ты это сделала!» Все промолчали. Я тоже. Потому что все понимали, что она имеет в виду: «за то, чтобы твой папа снова был живым».

Потом мама стала работать в библиотеке училища. Она размещалась в палатах Меншиковского дворца, куда мы входили не с набережной, а прямо из городка. Тогда-то, придя однажды к маме на работу, я впервые увидела знаменитые синие изразцовые плитки, которыми были снизу доверху выложены стены одного из помещений. Библиотека была огромная, значительную часть фонда составляли бесценные книги XVIII и XIX веков, сохранившиеся от времен, когда в этих зданиях находился Первый Шляхетский, потом Кадетский корпус. Следуя традиции, курсанты XX века получали

в училище солидную подготовку в области литературы и библиотечного дела. Один из курсантов, окончивший училище в те годы и впоследствии защитивший диссертацию, сказал мне, что в училище он русскому языку и литературе за год научился больше, чем за десять лет в школе. Он с удовольствием вспоминал, как готовился к занятиям в библиотеке, окна которой выходили на набережную, а по Неве шел ледоход.

Когда в 1956 году по армии прокатились хрущевские реформы, наше училище было переведено в Смоленск, а в городок въехала из Калинина (ныне – Тверь) Академия тыла, которую соединили с Академией транспорта. Старинное книжное хранилище разворошили, книги грузили на машины и куда-то увозили. Работники библиотеки с грустью и болью смотрели, как бесценные фолианты покидают свои привычные места и отправляются в неизвестность.

Если уже в XXI веке случится то, о чем сейчас ходят противоречивые слухи, и Академию тыла и транспорта тоже выселят из старинных стен, этим будет поставлена точка в более чем двухсотпятидесятилетней истории славного военного городка.

¹ Звезда. 2010. № 10. С. 147.

² Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Васильевский остров. СПб., 1999. С. 143.